

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ МИГРАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ИХ АССИМИЛЯЦИИ В ЯЗЫКЕ-РЕЦИПИЕНТЕ

Рассматривается функциональный аспект ассимиляции заимствований в принимающем языке. Выявлены частные случаи функционально-стилевой миграции иноязычной лексики: расширение сферы употребления иноязычных слов; перемещение ксенолексем из одного терминологического поля в другое; использование общеупотребительных заимствований в определенной терминологической области; сокращение сферы употребления иноязычных единиц, уходящих или ушедших из активного употребления в пассив.

Как известно, важнейшим признаком вхождения иноязычного слова в систему принимающего языка является его функционирование в речи, а точнее – «регулярная употребляемость в речи: для слова, не прикрепленного к какой-либо специальной стилистической сфере, – в различных жанрах литературной речи; для термина – устойчивое употребление в той терминологической области, которая его заимствовала, наличие определенных парадигматических и “значимостных” отношений с терминами данного терминологического поля» [1. С. 35]. «В качестве одного из диагностических признаков, позволяющих определить функциональную роль лексической единицы и обозначаемого ею понятия, выступает и частота ее употребления тем или иным коллективом в определенный исторический период» [2. С. 158].

Одним из аспектов функционального анализа иноязычной лексики является изучение функционально-стилевой миграции заимствований – перемещения ксенолексем из одной сферы употребления в другую, изменения сферы употребления, функционально-стилистического статуса единиц иноязычного происхождения.

Термин *ксенолексика* (гр. ξένος ‘чужой, чужеземный’) имеет более широкое значение по сравнению с термином *заимствование*. Если заимствования – это иноязычные лексические единицы, ассимилированные принявшим их языком, то *ксенолексика* – это слова иноязычного происхождения, освоенные и не освоенные языком-реципиентом. Для ксенолексики вопрос о степени адаптации и ассимиляции в заимствующем языке остается открытым и должен решаться отдельно.

Нами будут рассмотрены следующие частные случаи функционально-стилевой миграции ксенолексики:

- расширение сферы функционирования иноязычных слов, превращение единиц ограниченной употребительности в общеупотребительные слова;
- перемещение ксенолексем из одного терминологического поля в другое;
- использование общеупотребительных заимствований в определенной терминологической области;
- сокращение сферы употребления иноязычных единиц, уходящих или ушедших из активного употребления в пассив.

1. В русском языке на современном этапе его развития наблюдается расширение сферы функционирования многих слов иноязычного происхождения и одновременно увеличение частоты их употребления. Это чаще всего связано с их актуализацией, т.е. коммуникативной значимостью обозначаемых ими понятий,

когда стали актуальными, широко употребительными в политической, экономической и культурной жизни общества многие группы слов, находившиеся на периферии языка. Ранее они редко употреблялись, хотя и могли обозначать реалии, занимавшие какое-то место в этом обществе. Сфера функционирования разных лексем книжного стиля могла быть ограничена различными факторами: профессионализмов – социальными, экзотизмов и историзмов – тематикой сообщения. Активизации и актуализации этих слов, их большей частотности в речи носителей русского языка способствовали разные внеязыковые причины: переориентация многих зарубежных понятий на российскую действительность, восстановление традиционного для русского и других народов России уклада жизни, образования, обращение к духовности, в том числе к религии, церковным обрядам.

Функционально-стилевую миграцию ксенолексики как динамическое (диахроническое) явление можно наблюдать в сопоставлении двух или более синхронных срезов языка. Говоря о расширении сферы функционирования ксенолексики, убедительнее всего сравнивать состояние русского языка, с одной стороны, в 60–70-е годы прошлого столетия и ранее, а с другой – в 80–90-е годы XX – начале XXI в., т.е. в постперестроечный, постсоветский период российского общества, когда исчезли многие преграды на пути общения носителей русского языка с иностранцами и знакомства с их образом жизни.

1.1. Самой распространенной группой слов, изменивших сферу своего применения в сторону расширения и увеличивших частоту употребления, являются заимствования, которые до 80-х гг. XX в. имели узкую сферу применения, поскольку квалифицировались как *экзотизмы*, т.е. использовались для обозначения предметов и явлений нероссийской действительности. В словарях такие ксенолексеммы сопровождалась ограничительными пометами: «в зарубежных странах», «в буржуазном обществе», «в капиталистических странах». Ограничение сферы употребления экзотизмов, таким образом, обусловлено прежде всего тематикой сообщения; экзотизмы имеют функционально-стилистический статус книжной лексики, так как используются в научной, публицистической речи, а также в художественном стиле.

На уровне современного языкового сознания данные лексические единицы являются общеупотребительными, характеризуются частотой и регулярностью функционирования, так как называют реалии и явления (предметы вещного мира, новые виды деятельности,

должности в государственном устройстве и т.д.), известные сегодня в России и заимствованные вместе с их названиями из зарубежных стран; в словарях такие лексемы уже не сопровождаются ограничительными пометами (*валюта, гамбургер, гангстер, дансинг, дивиденд, доллар, колледж, магнат, мафия, мэрия, пицца, президент, продюсер, рэкет, спагетти, стриптиз, уик-энд, хот-дог* и др.).

Номинация *колледж* (< англ. college ‘университетский колледж; специальное учебное заведение’ < лат. collegium ‘товарищество’) в советское время являлась названием некоторых (высших и средних) учебных заведений в зарубежных странах [3. С. 251]. В 90-е гг. XX в. во многих российских городах появляются колледжи, в том числе и при университетах, и вследствие этого анализируемая ксенолексема теряет статус экзотизма и постепенно становится общеупотребительной, характеризуясь двумя значениями: 1) специализированное отделение при университете, обычно с практическим уклоном; «Сегодня юридический факультет – это огромный научно-учебный комплекс, объединяющий собственно факультет (бюджетная и коммерческая форма обучения), специальный факультет (второе высшее образование) и колледж правоведения (бакалавриат)» [19]; 2) название некоторых средних специальных учебных заведений (обычно училищ и техникумов); «медицинский колледж» [4, с. 351]; «Мне 20 лет, имею среднее специальное медико-фармацевтическое образование... За время обучения в Томском медико-фармацевтическом колледже проходила производственную практику в медицинских учреждениях г. Томска» (2001 г.); «У тех, кто окончил педагогический колледж, больше шансов поступить в пед» (из разговора абитуриентов, Томск, 2002 г.).

Слово *мафия* (< ит. mafia ‘то же’) до 1985 г. обозначало в русском языке ‘тайное общество, возникшее в начале XIX в. в Сицилии по образцу неаполитанской каморры, действующее в интересах крупных землевладельцев, ростовщиков путем террористических актов, направленных против прогрессивных деятелей и организаций’ [5. С. 392]. Очевидно, что это понятие было несоотносимо с советской действительностью, – данная номинация даже не была зафиксирована в Малом академическом словаре русского языка (1986 г.). К концу XX в. у анализируемой ксенолексемы появляется переносное значение, соотносимое с российской действительностью и свидетельствующее о расширении сферы функционирования «бывшего» экзотизма, – ‘организованная группа людей, тайно и в нарушение закона действующая в своих интересах’. «Торговая мафия» [6. С. 422]. Сегодня заимствование *мафия* употребляется как синоним слову *банда*: «Сейчас западные эксперты утверждают, что двадцать из них за тридцать долларов и две тонны опия чеченская мафия продала Бен Ладену» [20. С. 5].

Мэр (< фр. maire ‘мэр, городской голова’) сегодня – глава городской администрации, глава исполнительной власти в городах [4. С. 483]; сравним это значение с данными Словаря иностранных слов 1964 г. издания: ‘глава муниципалитета в ряде стран, напр. в Англии, США, во Франции’ [5. С. 429]. Анализируемое слово к концу XX в. вошло в состав межстилевой лексики:

«Сегодня в наш дом приезжал мэр города к дочери» (из разговора, Томск, 1999 г.).

Ксенолексема *пицца* (< ит. pizza ‘вид пирога’ < ‘продолговатый сыр’) в 70-е гг. XX в. и ранее являлась номинацией распространенного за рубежом итальянского кушанья в виде тонкой лепешки из теста с запеченными на ней под соусом кусочками мяса, грибов, овощей, сыра. К концу XX в. данное заимствование вследствие распространенности его денотата на российском рынке стало общеупотребительным: «Купи мне пиццу, ешь в буфете внизу» (из разговора студентов, Томск, 2002 г.).

1.2. К «бывшим» экзотизмам примыкают «бывшие» историзмы – заимствованные номинации реалий дореволюционной России, вновь появившихся в жизни россиян в последние десятилетия XX в.: *акция, атаман, аукцион, банкир (фин.), банкрот (фин.), биржа (фин.), волонтер (публ.), губернтка, губерньёр, гимназия, лицей, ломбард, меценат, миллионер* и др.

Данная группа ксенолексики, как и предыдущая, вернулась с периферии общественного языкового сознания, в словарях советского времени она сопровождалась комментариями «в дореволюционной России», «в старину» и т.п. Функционирование таких слов было ограничено как функционально-стилистически, так и тематически: историзмы как частный случай устаревших слов относятся к книжной лексике, их функционирование в советское время было ограничено только текстами, тематически связанными с дореволюционной Россией. К концу XX – началу XXI в. анализируемые единицы расширили сферу своего функционирования и превратились в общеупотребительные слова.

Слово *атаман*, известное в русском языке с XIII в. в значении ‘начальник военного отряда’, несомненно, заимствованное, но трудно установить, из германского источника или из тюркских языков. Вероятнее, что оно попало в русский язык (через Новгород) из германского источника. Ср. ср.-н.-нем. hōvetman ‘главарь, вожак’ (совр. нем. Hauptman ‘то же’) [8. Т. 1. С. 57; 9. Т. 1. С. 95].

Заимствование *атаман* в Малом академическом словаре 1985 г. зафиксировано в следующих значениях: 1) *в старину*: выборный начальник вольных казачьих дружин; 2) *в дореволюционной России*: назначаемый или выборный начальник в казачьих войсках и селениях, выполняющий военные, полицейские и административные функции [7. Т. 1. С. 50; курсив мой. – О.Щ.]. В настоящее время, после возрождения казачества, анализируемое заимствование превратилось из историзма в общеупотребительную лексему, утратив выделенный выше комментарий и обозначая ‘высшего начальника в казачьих войсках; главу местного самоуправления в селениях, станицах’: «Станичный атаман предложил разработать специальную учебную программу подготовки призывников, включающую курс лекций по истории России, православия, церкви и русского казачества» [4. С. 38; 21].

Губернатор (< пол. gubernator ‘то же’ < лат. gubernator ‘управляющий, правитель’) – начальник губернии в дореволюционной России [5. С. 187; курсив мой. – О.Щ.]. В настоящее время это общеупотребительная лексема, имеющая значение ‘глава администрации ре-

гиона России, являющегося самостоятельным субъектом Федерации» [4. С. 191]: «*На конференцию приехал губернатор*» (из разговора, 11.2002 г.)

Займствование *гouvernante* (< фр. *gouvernante* ‘воспитательница’) в 1985 г. обозначало воспитательницу в буржуазных и дворянских семьях, обычно иностранку, нанимаемую для воспитания и домашнего образования детей [7. Т. 1. С. 355; курсив мой. – О.Щ.]. Сегодня в России возрождена профессия гувернантки – домашней воспитательницы, учительницы детей дошкольного возраста: «*Прислуживать сегодня – одно из самых высокооплачиваемых, труднодоступных и потому престижных занятий... Больше всего требуются няни, гувернантки, домработницы. Реже – сиделки и повара*». [4. С. 191; 22]. Очевидно, что у иноязычной единицы расширилась сфера применения и она относится к разряду межстилевых средств.

Целый ряд слов объединяет в себе первую и вторую позиции, т.е. обозначает такие понятия, которые в советское время соотносились и с дореволюционной Россией, и с капиталистическими странами, а в конце XX в. являются общеупотребительными.

Слово *бакалавр* (< ср.-лат. *baccalaureus*, первоначально *bassa laureatus* ‘увенчанный лавром’ [9. Т. 1. С. 109]) в советское время имело в русском языке одновременно статус архаизма и экзотизма, так как зафиксировано в словарях в следующем значении – ‘в западноевропейских университетах в старину (теперь только в Англии) – первая ученая степень; в современной Франции и некоторых других странах – лицо, сдавшее государственный экзамен за курс средней школы’. В России до 1869 г. бакалавр – преподаватель духовной академии [5. С. 89]. В конце XX в. данная лексема стала употребляться в русском языке без каких-либо функциональных ограничений и обозначает понятие, соотносимое с российской действительностью – ‘степень, присваиваемая выпускникам высшего учебного заведения по окончании бакалавриата; лицо, имеющее такую степень’ [4. С. 44]. (Бакалавриат – форма трех- пятигодичного обучения студентов (обычно коммерческая), дающая высшее базовое образование и степень бакалавра по результатам дипломного сочинения или государственных экзаменов [4. С. 45]). «*Бакалавр – это четыре года интенсивных занятий – сессии отменяются за ненадобностью, ведь сейчас студенты теряют по два месяца. В дальнейшем их отметки будут выставляться каждый месяц. По их итогам – годовые*» [22. С. 13].

Банкир (< нем. *Bankier* ‘то же’ < фр. *banquier* ‘то же’) – в капиталистических странах – банковский делец, крупный акционер банка или собственник банкирского дома, занимающийся банковскими операциями [5. С. 93]. В словаре Л.П. Крысина при толковании данного заимствования отсутствует комментарий «в капиталистических странах», это ‘владелец или крупный акционер банка, а также (разг.) управляющий крупным банком’ [10. С. 103]. «*По инициативе Петербургской налоговой инспекции создан экономический совет, куда вошли ученые, опытные финансисты, банкиры, промышленники, бизнесмены “новой волны”*» [34].

Маклер (< нем. *Makler* ‘то же; брокер’ [11. Т. 2. С. 52]) сегодня – посредник при заключении торговых

сделок [6. С. 409]; *коммерц.* тот, кто профессионально занимается посредничеством при купле-продаже, заключении различных сделок и т.п. [4. С. 431]; По данным МАС (1985 г.), это ‘профессиональный посредник при заключении торговых и биржевых сделок в капиталистических странах и в дореволюционной России’ [7. Т. 2. С. 217; курсив мой. – О.Щ.].

1.3. Популярность некоторых областей знаний приводит к тому, что их терминология становится общеизвестной и начинает употребляться не только в специальной стилистической сфере. Такова судьба заимствований из области информатики, видео- и аудиоаппаратуры (*компьютер, ксерокс, принтер, плейер, таймер, тюнер* и мн. др.): «*Компании не безразлично, кто в скором будущем придет в неё работать – просто знающие компьютер или активные сотрудники, умеющие работать и общаться с людьми*» [24. С. 4].

Грецизм *аура* (‘а́ура ‘дуновение, ветерок’) в советское время являлся медицинским термином и обозначал ‘при эпилепсии, истерии – симптомы, предшествующие припадку, часто выражающиеся в ощущении ветерка’ [5. С. 82]. В 90-е гг. XX в. данное заимствование стало обслуживать парапсихологию и изотерическую сферу человеческих представлений и получило наряду с первым значением второе – ‘согласно оккультным, парапсихологическим представлениям, совокупность энергетических излучений, образующих биополе человека’ [10. С. 101; 12. С. 47]. В это же время отмечается переносное значение данной лексемы, не закрепленное за какой-либо сферой употребления, – ‘окружающая обстановка; психологический климат какой-нибудь группы людей; условия, атмосфера’: «*Всегда есть что-то, составляющее ауру любой семьи, и знакомство относится к этой сфере*» [25].

У американизма *аутсайдер* (< англ. *outsider* ‘посторонний’) выделяется три прямых значения, последнее из которых появилось в конце XX в.: 1) капиталистическое предприятие, не входящее в капиталистические объединения; 2) *спорт.* спортсмен или команда, занимающие или занявшие в соревнованиях одно из последних мест; 3) *психол.* член какой-нибудь социальной группы – игровой, производственной, спортивной и т.п. – занимающий в ней периферийное положение [6. С. 92]. Эти значения относятся к специальным сферам деятельности человека: экономике, спорту, психологии. По данным лингвистических экспериментов, в настоящее время распространено переносное значение данной лексемы, выходящее за пределы специальной терминологии – ‘неудачник; человек, не нашедший своего места в обществе’: «*Сына сыграл средний из братьев Болдуинов, Дэниэл. Одно время между Алемом и Вильямом Болдуинами его считали аутсайдером. Дэниэл не так смазлив, как Алек, и не так силен, как Уильям*» [26. С. 28].

Заметна тенденция активного употребления в разговорной речи первоначально психологического термина *имидж* («Хочу имидж сменить»). Из разговора в трамвае, 1999 г.). Целый ряд психологических терминов начинает обслуживать также и общественно-политическую сферу, употребляясь в публицистических текстах (*амбивалентность* ‘несогласованность’, *креативный* ‘творческий’, *толерантность* ‘терпимость’ и др.).

Слово *блистер* (< англ. blister ‘пузырь’) было заимствовано в русский язык в 60-е гг. XX в. как военный термин и употреблялось в значениях: 1) *ав.* ‘куполообразный выступ из прозрачной пластмассы в корпусе самолета, служащий для размещения вооружения и прицельных приспособлений’; 2) *мор.* ‘противоминное утолщение корпуса корабля’ [5. С. 107; ср. 6. С. 119]. К началу XXI в. у анализируемого англицизма изменилась структура лексического значения вследствие появления нового лексико-семантического варианта с семантикой ‘пластиковая поляя упаковка в виде пузыря’, употребляющегося в деловой и разговорной речи: «*Бритва на блистере*» (надпись на ценнике, Томск, 2001 г.).

Номинация *каратэ*, *карате* (< яп. *кара* ‘пустота’ + *тэ* ‘рука’, буквально ‘голыми руками’) проникла в русский язык во второй половине XX в. и функционировала сначала как экзотизм: ‘японская система самообороны без оружия, при которой удары рукой или ногой наносятся по наиболее уязвимым местам человеческого тела; является одним из видов боевых искусств, происходящим от *кэмпо*, формы китайского боя Шаолиня, монастыря на востоке Китая’ [13. С. 118]. К середине 80-х гг. XIX в. японская система с ее приемами стала известна и в России. Вследствие этого экзотизм превратился в спортивный термин и стал обозначать ‘вид спортивной борьбы, использующий приемы этой системы’. Результаты лингвистического эксперимента позволяют сделать вывод о том, что в конце XX – начале XXI в. заимствование *каратэ* (*карате*) является общеупотребительным, ср.: «[*Ребятам*] некогда будет болтаться по улицах – компьютеры, электронные игры, ушу, карате... и многое другое» [4. С. 329; 27]. Таким образом, термин, характеризующийся в 70–80-х гг. ограниченной сферой употребления, к концу XX в. превращается в общеупотребительную единицу.

Лексема *плюрализм* (< фр. pluralisme – *филос.* ‘плюрализм’ < лат. plurālis ‘множественный’) в 1985 г. имела ограниченную сферу употребления, была известна лишь как философский термин и зафиксирована в значении ‘философское учение, отрицающее единство мира и утверждающее, что в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых начал и видов бытия’ [7. Т. 3. С. 147]. В 1994 г. в монографии «Культура парламентской речи» [14. С. 270] у данного слова отмечается новая семантика – ‘множественность чего-либо (например, взглядов, мнений и т.д.)’, на основании чего можно сделать вывод о расширении сферы употребления данного заимствования. Это мнение подтверждается данными Толкового словаря иноязычных слов Л.П. Крысина [10. С. 602], в котором слово *плюрализм* отмечено в двух лексико-семантических вариантах, один из которых употребляется в философии, а другой – в значении ‘множественность мнений, взглядов, направлений, партий и т.п. как один из принципов общественного устройства’ – не ограничен какой-либо сферой употребления.

2. В русском языке также наблюдается перемещение ксенолексем из одного терминологического поля в другое.

Известный ранее как медицинский термин латинизм *вирус* (< лат. virus ‘яд’) ‘возбудитель инфекционных заболеваний растений, животных и человека, по разме-

рам более мелкий, чем микробы’ [5. С. 134], употребляется также в сфере информатики в значении ‘компьютерный вирус – специальная компьютерная программа способная самопроизвольно присоединяться к другим программам и при запуске последних выполнять различные нежелательные действия: портить файлы, стирать данные и т. п.’ [4. С. 135].

Латинизм *перкуссия* (< лат. percussio ‘1) нанесение ударов; 2) *перен.* отбивание такта; мерность, размеренность’) в Толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина рассматривается как медицинский термин: «*Перкуссия* – метод медицинского исследования состояния и положения внутренних органов по звуку, получаемому при выстукивании поверхности тела молоточком по особой пластинке – плессиметру – или пальцами (непосредственно или пальцами по пальцу, играющему роль плессиметра)» [10. С. 583]. Лексема *перкуссия* (< англ. percussion – *собир. муз.* ‘ударные инструменты’) в области музыкального шоу-бизнеса имеет иное (отличающееся от медицинского) толкование – ‘процесс воспроизведения звука, выполняемый для той или иной музыкальной композиции при помощи выстукивания ладонями или пальцами по специальным барабанам либо струной по ладам’, которое восходит к переносной семантике латинского слова: «*В концерте принимали участие музыканты: бас-гитара – Игорь Иванов, ударные – Михаил Круглов, ... перкуссия – Александр Гусев...*» (Из записи сольного концерта Л. Агутина и А. Варум, Томск, 2002 г.).

Носители русского языка советского периода слово *икона* (< гр. ἰκόν ‘изображение, подобие, образ’) связывали только со сферой религии и понимали под ним ‘живописное изображение бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения’ [7. Т. 1. С. 659], ср.: «У верующих: предмет поклонения – живописное изображение бога, святого или святых, образ» [3. С. 219]. В Толковом словаре современного русского языка (Языковые изменения конца XX столетия), вышедшем в 2001 г., помимо слова *икона* с пометой *ред.*, зафиксировано:

Икона (< англ. icon ‘изображение, статуя, портрет’) – *информ.* пиктограмма, обозначающая доступный пользователю объект – файл, директорию, диск, внешнее устройство компьютера – или программу в интерактивных операционных системах с графическим интерфейсом [4. С. 296]. Данные слова настолько сильно разошлись в своих значениях, что являются омонимами.

Строго говоря, в двух данных и других аналогичных случаях мы тоже наблюдаем расширение сферы употребления ксенолексем. Однако в результате они остаются словами с ограниченной сферой употребления, а не общеупотребительными.

3. У общеупотребительных заимствований могут развиваться такие значения, в которых они приобретают статус единиц ограниченной употребительности.

3.1. Функционирование иноязычных слов на современном этапе развития русского языка имеет еще одну характерную черту – использование общеупотребительных заимствований в той или иной терминологической области, которое (практически всегда) сопровождается специализацией их семантики. Так происходит, если общеупотребительные слова попадают, на-

пример, в сферу компьютерной терминологии (*адрес, буфер, собака* и т.д.).

Займствование *адрес* (< нем. Adresse ‘место назначения; местожительство; торжественное послание’ < фр. adresse ‘то же’) в трех общеизвестных значениях не ограничено в сфере своего употребления [ср.: 6. С. 36]. Попадая в терминологическое поле информатики, оно обозначает: 1) совокупность символов, однозначно определяющих место хранения или назначения информации в памяти компьютера («*Присвоить адрес данным*»); 2) совокупность символов, однозначно определяющих местонахождение компьютера, сайта в компьютерной сети; 3) = адрес электронной почты [4. С. 10].

Общепотребительное *буфер* (< англ. buffer ‘амортизатор’ < to buff ‘смягчать толчки, удары’), проникая в сферу компьютерной терминологии, называет область памяти компьютера, предназначенную для временного хранения данных при их передаче между устройствами с разными скоростями: «*Записать информацию в буфер*» [4. С. 97].

Древнее займствование *собака* в сфере компьютерной техники также приобретает терминологическое значение – служит названием знака “@” (в [4] – не зафиксировано), а в астрологии обозначает ‘одиннадцатый из двенадцати знаков, входящих в обозначение лет по шестидесятилетнему циклу’: «*Хотя у нас многие считают, что год собаки уже начался, на самом деле по китайскому лунному календарю он наступит только 10 февраля*» [4. С. 732; 28].

О.Н. Трубачев считает, что иранское происхождение слова *собака* маловероятно, скорее всего мы имеем здесь займствование из тюркского *köbäk* ‘собака’ [17. С. 29 и сл.].

Общепотребительные займствования, специализируя свое значение, могут становиться лингвистическими терминами. Примером такой миграции служат германизмы *адресант* (< нем. Adressant ‘то же’) и *адресат* (< нем. Adressat ‘то же’), которые известны всем носителям русского языка как соответственно ‘лицо, посылающее почтовое или телеграфное отправление, отправитель’ и ‘лицо, получающее почтовое или телеграфное отправление, получатель’ [6. С. 37; 7. Т. 1. С. 26; 15. Т. 1. С. 95]. В актуальной в настоящее время сфере коммуникативной лингвистики данные лексемы становятся терминами: *адресант* ‘говорящий; отправитель информации’, *адресат* ‘лицо, которому адресовано сообщение; получатель информации’.

3.2. Общепотребительные займствования в новых своих значениях могут становиться единицами с ограниченной сферой употребления и перемещаться не только в какую-либо терминологическую систему, но и в разговорную речь и даже за пределы литературного языка – в жаргоны.

Слово *абзац* (< нем. Absatz ‘отступ; часть текста’) в значениях ‘отступ слева в начальной строке текста’ и ‘часть текста от одного отступа до следующего’ является общепотребительным [6. С. 24]. В разговорной речи данное займствование приобретает новое значение и дополнительную экспрессию – *разг.* ‘конец, гибель, крах’: «Ну, это полный абзац!» [4. С. 1]; в молодежном сленге может употребляться, помимо предыдущего, по отношению к чему-либо очень хорошему,

высшего качества, вызывающему одобрение: «*Да, хайры [волосы] – абзац. Полный “Зизи-тон”*», а также в роли междометия для выражения досады, раздражения: «*Абзац! Наверное батинок [отец] с фазенды вернулся*» (запись 1995 г.) [16. С. 9].

Германизм латинского происхождения *авторитет* (< нем. Autorität ‘влияние, власть, корифей’ < лат. auctoritas ‘власть, влияние’) в нормативном словаре Л.П. Крысина не снабжен пометами, указывающими на какие-либо ограничения в сфере его употребления в современном русском литературном языке, и имеет следующую семантику: 1) общепринятое значение, влияние; 2) лицо, пользующееся влиянием, признанием в какой-либо области [10. С. 36]. Анализируемое займствование в жаргоне криминальных структур (воровском, тюремном и т.п.) приобретает более конкретное, специализированное значение – *жарг.* обладающий властью, авторитетный среди криминалитета член преступной группы: «*“Героев” новой криминальной волны стали называть авторитетами*» [4. С. 6; 29].

3.3. Целый ряд общепотребительных слов переместился в конце XX в. в разряд лексики ограниченного употребления вследствие семантического займствования.

Особым видом семантического займствования, наряду со словообразовательным калькированием, является развитие у какого-либо слова вторичных значений по аналогии с соответствующими иностранными словами.

Такова причина появления в бизнес-сленге «новых русских» слова *бык* в значении “повышатель” – ‘маклер-спекулянт, играющий на повышение, то есть совершающий сделки, исходя из возможного повышения цен’ [18. С. 23]. Вследствие семантического займствования общепотребительное исконно русское слово в одном из своих значений переместилось в конце XX в. в разряд жаргонной лексики: *бык – жарг.* о брокере, играющем на повышение акций [4. С. 98]. Источником такого займствования является английское *bull*, которое, помимо значения ‘бык’, обозначает: ‘спекулянт, играющий на повышение биржевых ценностей’.

Результатом семантического займствования является также составляющая антонимическую оппозицию предыдущему слову в системе жаргона «новых русских» лексема *медведь* – «“понижатель”, биржевой маклер, играющий на понижение, т.е. исходящий из возможного понижения цен на фондовой бирже, своего рода “биржевой пессимист”. Доход “медведя” определяет разница между ценой покупки акции и ценой их продажи. Это название связано с тем, что медведь, нападая на врага, бьет лапой сверху вниз» [18. С. 162]. Данная семантика восходит к англ. *bear*, которое, кроме значения ‘медведь’, имеет специальное значение – *бирж.* спекулянт, играющий на понижение.

После 1985 г. в русском языке в результате семантического займствования появляется еще один не отмеченный в МАС омоним, функционирующий в сфере астрологии: *Бык – астрол.* второй из двенадцати знаков зодиака, входящих в обозначение лет по шестидесятилетнему циклу; «*В последние три месяца года розового Быка у Девы активизируется вечная проблема выбора*» [4. С. 97–98; 30]. Семантика анализируемого слова восходит к третьему значению английского *bull* – ‘Телец (созвездие и знак зодиака)’. Как видим, семантическое

заимствование (семантическое калькирование) ведет к появлению омонимов или лексико-семантических вариантов слов, уже известных в языке-реципиенте.

Итак, у целого ряда общеупотребительных заимствований появляются лексико-семантические варианты или омонимы, применяющиеся в той или иной сфере ограниченного употребления.

4. К концу XX в. в русском языке выделяются ксенолексемы, уходящие или ушедшие из активного употребления в пассив в результате деактуализации, системной архаизации лексики, когда переходят на периферию лексико-семантической системы определенные группы слов, до того весьма важных и частотных (*агитатор, ваучер, вахта, директива, колониализм, колонизатор, комиссар, кооператив, кооперация, пропаганда, пропагандист, социалист, спекулянт, талон, шеф* и под.).

Заимствованное в середине XIX в. слово *агитатор* (< нем. *Agitator* 'то же' < лат. *agitator* 'погонщик'), актуальное в доперестроечный период российского общества, в конце XX в. зафиксировано в следующем значении: "в советское время: тот, кто на общественных началах или профессионально проводил политическую агитацию среди населения": «Есть у нас еще ошибки в подборе пропагандистов, агитаторов, наставников молодежи... Надо повышать действенность выступлений многотиражки, стенной печати» [4. С. 6; 31] (курсив мой. – О.Щ.). На современном этапе развития русского языка анализируемое заимствование имеет статус устаревшей лексической единицы: оно отсутствует в Словаре иностранных слов: актуальная лексика [13].

Лексема *ваучер* (< англ. *voucher* 'поручительство' < to *vouch* 'ручаться, подтверждать') обозначала государственную ценную бумагу номинацией в 10 тысяч рублей, дающую гражданам Российской Федерации право на приобретение акций и имущества предприятий государственной собственности в процессе их приватизации; «ваучеры выдавались через отделения Сбербанка с октября 1992 г. по январь 1993 г., срок их действия – до 30 июня 1994 г.» [4. С. 107]. Вследствие деактуализации денотата данная лексема мигрирует из активного словарного запаса в пассивный.

Галлицизм *талон* (< фр. *talon* 'линия отрыва (в чековой, квитанционной книжке)' < лат. *talus* 'игральная кость') в 70–80-е гг. XX в. обозначал контрольный талон, дающий право на приобретение каких-либо товаров или продуктов в условиях дефицита. Существовали продуктовые, винные талоны, талоны на сахар, чай, колбасу, масло, мясо, водку, сигареты, мыло, стиральный порошок. «Женщины всей России благодарны ему [Е. Гайдару] за то, что он избавил от унижительных очередей и талонов, от ругани и драк, которые часто сопровождали это сугубо социалистическо-коммунистическое явление – очередь» [4. С. 769; 32]. В результате социальных преобразований заимствование *талон* в описанном выше значении квалифицируется к концу XX в. как устаревшее.

Заимствование *шеф* в настоящее время тоже деактуализировано в одном из своих значений: 'в советское время: предприятие, организация, осуществляющие шефство над кем-, чем-л.'. «Практика комсомольского шефства над всесоюзными ударными показывает, что когда каждый объект имеет своего шефа, то это придает всей комсомольской деятельности живой и конкретный характер» [4. С. 856; 33].

Среди номинаций, на рубеже XX–XXI вв. ушедших или уходящих из активного словарного запаса русского языка в пассивный удельный вес заимствований в сравнении с собственно русскими словами не столь широк, как в процессе актуализации лексики.

Таким образом, в русском языке конца XX – начала XXI в. наблюдается расширение сферы функционирования и увеличение интенсивности употребления ксенолексики вследствие её функционально-стилевой миграции: расширяется сфера применения единиц, ранее находившихся в пассивном словарном запасе; заимствованные термины перемещаются из одного терминологического поля в другое; общеупотребительные заимствования в результате семантической деривации и семантического заимствования приобретают также статус лексем ограниченной употребительности; деактуализация заимствований. Функционально-стилевая миграция заимствований является одним из критериев её ассимиляции в языке-реципиенте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краткий словарь современных понятий и терминов* / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. / Сост., общ. ред. В.А. Макаренко. М.: Республика, 1993. 510 с.
2. *Швейцер А.Д.* Некоторые аспекты проблемы «язык и культура» в освещении зарубежных лингвистов и социологов // Национальный язык и национальная культура. М.: Наука, 1978. С. 143–160.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1984. 816 с.
4. *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия* / Институт лингвистических исследований РАН; Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Астрель; АСТ, 2001. 944 с.
5. *Словарь иностранных слов* / Гл. ред. Н.Ф. Петров. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с.
6. *Краткий словарь современных понятий и терминов. 3-е изд., дораб. и доп.* / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др.; Сост., общ. ред. В.А. Макаренко. М.: Республика, 2000. 670 с.
7. *Словарь русского языка [Малый академический словарь]* / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1–4.
8. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. 1, 2.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.
10. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2005. 941 с.
11. *Большой немецко-русский словарь: В 3 т.* / Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева; Под общ. рук. О.И. Москальской. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1998. 680 с.
12. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
13. *Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология* / Н.Н. Андреева, Н.С. Арапова и др. М.: Цитадель, 1997. 320 с.; *Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т.* / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 832 с.

14. *Культура* парламентской речи. М.: Наука, 1994. 361 с.
 15. *Словарь* современного русского литературного языка [Большой академический словарь]: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. 2-е изд. М.: Русский язык, 1991. Т. 1. 864 с.
 16. *Никитина Т.Г.* Так говорит молодежь: словарь сленга. По материалам 70–80-х годов. 2-е изд. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 592 с.
 17. *Трубачев О.Н.* Славянские названия домашних животных. М.: Наука, 1960.
 18. *Пономарев В.Т.* Бизнес-сленг «новых русских». Донецк: Сталкер, 1996. 368 с.
- Сокращения языков приводятся в соответствии с изданием: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1.
19. *Комсомольская правда*. 1999. 23–30 апр.
 20. *ЛиФ*. 2001. № 4.
 21. *Невское время*. 1994. 11 нояб.
 22. *ЛиФ*. 1995. № 32.
 23. *ЛиФ*. 1994. № 29.
 24. *Томские новости*. 2001. 13 дек. № 50/89.
 25. *Огонек*. 1991. № 5.
 26. *Все для вас*. 1998. 12 февр.
 27. *Семья*. 1991. 14 февр.
 28. *Известия*. 1994. 9 янв.
 29. *ЛиФ*. 1995. № 5.
 30. *Асток-пресс*. 1997. 22 окт.
 31. *Правда*. 1979. 16 окт.
 32. *Огонек*. 1996. № 6.
 33. *Молодой коммунист*. 1977. № 1.
 34. *Невское время*. 1994. 18 янв.

Статья представлена кафедрой русского языка филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 19 декабря 2006 г.